

A
M 818

На правах рукописи

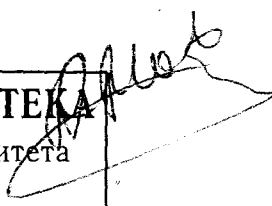
МОСИН Алексей Геннадьевич

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ УРАЛЬСКИХ ФАМИЛИЙ:
ОПЫТ ИСТОРИКО-АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Специальность 07.00.09 – «Историография, источниковедение
и методы исторического исследования»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского Госуниверситета
г.Екатеринбург

Екатеринбург 2002

Работа выполнена на кафедре истории России
Уральского государственного университета им. А.М.Горького

Официальные оппоненты:

- доктор исторических наук,
профессор Шмидт С.О.
- доктор исторических наук,
профессор Миненко Н.А.
- доктор исторических наук,
доктор искусствоведения,
профессор Парфентьев Н.П.

Ведущее учреждение: - Институт истории
Сибирского отделения РАН

Защита диссертации состоится «14» мая 2002 г. на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Уральском государственном университете им. А.М.Горького (620083, г.Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51, комн.248).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

Автореферат разослан «9» апреля 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

В.А.Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В последние годы заметно возрос интерес людей к родовым корням, к истории своей семьи. На наших глазах набирает силу движение, известное как «народная генеалогия»: в разных регионах создаются все новые генеалогические и историко-родословные общества, выходит большое количество периодических и продолжающихся изданий, авторами которых выступают не только профессиональные генеалоги, но и многочисленные любители-родоведы, делающие первые шаги в познании родовой истории. Открывшиеся при этом возможности изучения родословия практически каждого человека, независимо от того, к какому сословию принадлежали его предки, с одной стороны, создают в стране принципиально новую ситуацию, в которой интерес к истории у огромного количества людей может возникнуть на качественно новом уровне благодаря интересу к истории своей семьи, с другой стороны, требуют от профессиональных историков активного участия в разработке научных методов исследования и создании источниковой базы для широкомасштабных родословных разысканий¹. Исключительно важное значение приобретает выработка исторического подхода к изучению фамилий – своеобразных «меченых атомов» нашей родовой истории. Исследователями-лингвистами на сегодня уже много сделано для изучения русских имен и фамилий как *явлений языка*. Всестороннее изучение феномена фамилии как *исторического явления* даст возможность проследить родовые корни на несколько веков вглубь истории, позволит по-новому взглянуть на многие события российской и мировой истории, ощутить свою кровную связь с историей Отечества и «малой родины» – родины предков.

Объектом изучения является фамилия как историческое явление, отражающее объективную потребность общества в установлении родовых связей между представителями разных поколений одного рода

¹ Решению этой проблемы в генеалогическом и источниковедческом аспектах посвящены два недавно проведенных диссертационных исследования: Антонов Д.Н. Восстановление истории семей: метод, источники, анализ. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Панов Д.А. Генеалогические исследования в современной исторической науке. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

и представляющее собой родовое имя, переходящее из поколения в поколение.

Предметом исследования служат процессы образования фамилий у населения Среднего Урала на протяжении конца XVI – начала XVIII вв. и специфика их протекания в различной социальной среде, под влиянием различных факторов (направленность и интенсивность миграционных процессов, условия хозяйственного и административного освоения края, языковая и этнокультурная среда и др.).

Целью исследования является реконструкция исторического ядра фонда уральских фамилий, проводимая на материалах Среднего Урала. При этом под уральскими понимаются все фамилии, исторически укорененные в местной антропонимической традиции.

В соответствии с целью исследования предполагается решить следующие основные задачи:

- 1) Установить степень изученности антропонимии в масштабах России и Уральского региона и обеспеченность регионального исследования источниками.
- 2) Разработать методику изучения региональной антропонимии (на уральских материалах) и организации регионального антропонимического материала.
- 3) На основе разработанной методики:
 - определить исторические предпосылки появления фамилий у населения Среднего Урала;
 - выявить историческое ядро антропонимического фонда региона;
 - установить степень зависимости местной антропонимии от направленности и интенсивности миграционных процессов;
 - выявить территориальную, социальную и этнокультурную специфику в процессе образования регионального антропонимического фонда;
 - определить хронологические рамки образования фамилий у основных категорий населения региона;
 - очертить круг фамилий, образованных от имен местного нерусского населения и иноязычных слов, выявить их этнокультурные корни.

Территориальные рамки исследования. Процессы образования и бытования уральских фамилий рассматриваются преимущественно в

пределах Верхотурского уезда, а также среднеуральских слобод и острогов Тобольского уезда, что применительно к административно-территориальному делению конца XVIII – начала XX вв. соответствует территории Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского и Камышловского уездов Пермской губернии.

Хронологические рамки работы охватывают период с конца XVI в., времени образования первых русских поселений на Среднем Урале, до 20-х гг. XVIII в., когда, с одной стороны, вследствие преобразований Петровской эпохи произошли существенные изменения в миграционных процессах, а с другой – в основном завершился процесс образования фамилий у жившего к тому времени на Среднем Урале русского населения. Привлечение материалов более позднего времени, включая исповедные росписи и метрические книги первой четверти XIX в., вызвано прежде всего необходимостью прослеживания судеб возникших в начале XVIII в. фамилий и сложившихся тогда же тенденций в антропонимии слоев населения со сравнительно поздним появлением фамилий (горнозаводское население, духовенство).

Научная новизна и теоретическая значимость диссертации определяются прежде всего тем, что данная работа является первым комплексным междисциплинарным исследованием фамилии как исторического явления, проводимым на материалах отдельного региона и основанным на широком круге источников и литературы. В основе исследования лежит разработанная автором методика изучения региональной антропонимии. К исследованию привлечено большое количество источников, не использовавшихся ранее в работах по уральской антропонимии, при этом сама фамилия также рассматривается в качестве одного из важнейших источников. Впервые ставится и решается проблема изучения исторического ядра регионального антропонимического фонда, разрабатывается и применяется методика изучения и организации регионального антропонимического материала в форме исторических ономастиконов и словарей фамилий. Установлено влияние миграционных процессов на темпы формирования регионального фонда фамилий и его состав, выявлена специфика процесса образования фамилий в различной социальной среде и под влиянием разных факторов (хозяйственных, этнокультурных и др.). Впервые состав местного антропонимического

фонда представлен как важная социокультурная характеристика региона, а сам этот фонд – как уникальное явление, закономерно сложившееся в ходе многовекового хозяйственного, социального и культурного освоения края.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют принципы объективности, научности и историзма. Сложный, многоплановый характер такого историко-культурного явления, как фамилия, требует применения комплексного подхода к объекту исследования, что проявилось, в частности, в многообразии используемых методов исследования. Из числа общенаучных методов в исследовании широко применялись описательный и сопоставительный методы. Применение исторического (прослеживание развития процессов образования фамилий во времени) и логического (установление связей между процессами) методов позволило рассматривать формирование исторического ядра антропонимии Среднего Урала как закономерный исторический процесс. Использование сравнительно-исторического метода дало возможность сопоставлять протекание одних и тех же процессов в различных регионах (например, на Среднем Урале и в Приуралье), выявлять общее и особенное в уральской антропонимии в сравнении с общероссийской картиной. Прослеживание судеб отдельных фамилий на протяжении длительного времени было бы невозможно без использования историко-генеалогического метода. В меньшей мере в работе применялись лингвистические методы исследования – структурный и этимологический.

Практическая значимость исследования. Главным практическим результатом работы над диссертацией явилась разработка и реализация программы «Родовая память». В рамках программы начато создание компьютерной базы данных о населении Урала конца XVI – начала XX вв., издано 17 научно-популярных публикаций об истории фамилий на Урале и проблемах изучения родового прошлого уральцев. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке спецкурсов по истории уральской антропонимии, для подготовки методических пособий для учителей школ и учебных пособий для школьников по родоведению и исторической ономастике на уральских материалах. Все это призвано сделать родовую память частью общей

культуры жителей Уральского региона, активно содействовать формированию исторического сознания начиная со школьного возраста, что, в свою очередь, неизбежно вызовет рост гражданского самосознания в обществе.

Апробация полученных результатов. Диссертация была обсуждена, одобрена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России исторического факультета Уральского государственного университета. По теме диссертации автором опубликовано 49 печатных работ общим объемом около 102 печ. л. Основные положения диссертации докладывались на заседаниях Ученого совета Центральной научной библиотеки УрО РАН, а также на 17 международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях в Екатеринбурге (1995, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001), Пензе (1995), Москве (1997, 1998), Чердыни (1999), Санкт-Петербурге (2000), Тобольске (2000) и Тюмени (2001).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснованы актуальность темы, научная значимость и новизна диссертационного исследования, сформулированы его цель и задачи, определены территориальные и хронологические рамки, охарактеризованы методологические принципы и методы исследования, а также теоретическая и практическая значимость работы.

Глава первая «Историографические, источниковедческие и методические проблемы исследования» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе прослежена история изучения антропонимии в России и русских фамилий с XIX в. до наших дней. Уже в публикациях второй половины XIX – начала XX вв. (А.Балов, Е.П.Карнович, Н.П.Лихачев, М.Я.Морошкин, А.И.Соболевский, А.Соколов, Н.Н.Харузин, Н.Д.Чечулин) накоплен и упорядочен значительного объема антропонимический материал, в основном связанный с историей княжеских, боярских и дворянских родов и бытованием неканонических («русских») имен, однако еще не были выработаны какие-либо критерии

в использовании терминологии, не определено и само понятие «фамилия»; справедливо замечание В.А.Никонова в адрес А.И.Соболевского, что он «напрасно признавал фамилиями родовые именованья бояр с XIV в. Как и княжеские титулы (Шуйские, Курбские и др.), они еще не были фамилиями, хотя те и другие послужили моделями для последующих фамилий, а некоторые из них действительно стали фамилиями»².

Итог этого периода в изучении русской исторической антропониимии подведен фундаментальным трудом Н.М.Тупикова «Словарь древнерусских личных собственных имен». В предваряющем словарь «Историческом очерке употребления древнерусских личных собственных имен» Н.М.Тупиков, отмечая, что «истории русских имен мы, можно сказать, еще вовсе не имеем»³, обосновал задачу создания историко-антропонимических словарей и подвел итоги своего исследования древнерусской антропониимии. Автором сделаны ценные наблюдения о бытовании неканонических имен, намечены пути дальнейшего изучения русской антропониимии. Большой заслугой Н.М.Тупикова является постановка вопроса (до сих пор не получившего окончательного разрешения) о критериях отнесения тех или иных именованний к неканоническим именам или прозвищам.

Первой монографией, посвященной фамилиям одного из сословий в России, стала книга В.В.Щереметевского о фамилиях духовенства⁴, остающаяся по сей день наиболее полным сводом данных о фамилиях священно- и церковнослужителей, хотя ряд выводов автора (в частности, об абсолютном преобладании в этой среде фамилий искусственного происхождения) может быть существенно уточнен вводом в оборот региональных материалов.

Более чем тридцатилетний перерыв в изучении русской антропониимии завершился в 1948 г. выходом статьи А.М.Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ». Автор относит образование русских фамилий преимущественно к XVI-XVIII

² Никонов В.А. География фамилий. М., 1988. С.20.

³ Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С.60.

⁴ Щереметевский В.В. Фамильные прозвища великорусского духовенства в XVIII и XIX столетиях. М., 1908.

вв., оговариваясь, что «некоторые фамилии были и более раннего происхождения, другие возникли только в XIX веке»⁵. Фамилии сгруппированы автором по семантическому признаку (подход, утвердившийся в антропонимике на многие десятилетия). В целом эта работа А.М.Селищева имела большое значение для всего последующего изучения русских фамилий.

Многие положения статьи А.М.Селищева получили развитие в монографии В.К.Чичагова⁶. Автор дает определение понятий «личное имя» и «прозвище», однако на практике это не приводит к четкому их разграничению (в частности, к последним отнесены имена Первой, Ждан и др.). Пытаясь найти выход из этого противоречия, В.К.Чичагов предлагал различать два вида имен – имена в собственном смысле (личные имена) и имена-прозвища, из чего следует вывод, что «источниками фамилий были собственно отчества и прозвищные отчества»⁷. Позднее более логичную схему предложила А.Н.Мирославская, четко выделившая две группы имен: первичные (дававшиеся человеку при рождении) и вторичные (получаемые в зрелом возрасте)⁸. Далеко не бесспорным представляется нам и вывод В.К.Чичагова о завершении процесса образования фамилий в русском литературном языке к началу XVIII в. «вместе с прекращением именоваться прозвищами»⁹.

Единственным историком первой половины XX в., всерьез обращавшим внимание на русскую антропонимию, был академик С.Б.Веселовский: изданный через 22 года после смерти автора «Ономастикон»¹⁰ оказал большое влияние на последующее развитие методики антропонимических исследований в России.

⁵ Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Уч. зап. Москов. ун-та. Т.128. М., 1948. С.128.

⁶ Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв.). М., 1959.

⁷ Там же. С.67.

⁸ См.: Мирославская А.Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С.212.

⁹ Чичагов В.К. Из истории русских имен ... С.124.

¹⁰ Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Со второй половины 60-х гг. XX в. начинается новый, самый плодотворный этап теоретического и практического изучения антропонимии как на общероссийском, так и на региональном материале. В сборниках материалов Первого Всесоюзного антропонимического совещания¹¹, Поволжских конференций по ономастике¹² и других изданиях¹³ опубликованы многочисленные статьи разных авторов, посвященные этимологии, семантике и историческому бытованию имен многих народов Урала и смежных регионов: башкир (Т.М.Гарипов, К.З.Закирьянов, Ф.Ф.Илибетов, Р.Г.Кузеев, Т.Х.Кусимова, Г.Б.Сиразетдинова, З.Г.Ураксин, Р.Х.Халикова, З.А.Харисова), бесермян (Т.И.Тепляшина), болгар (А.Б.Булатов, И.Г.Добродомов, Г.Е.Корнилов, Г.В.Юсупов), калмыков (М.У.Монраев, Г.Ц.Пюрбсев), коми-пермяков (А.С.Кривошекова-Гантман), манси и ханты (Б.М.Куаньшев, З.П.Соколова), марийцев (Ф.И.Гордеев), мордвы (А.М.Дербенева, В.И.Кузнецов, Н.Ф.Можайки, Д.Т.Надькин), татар (И.В.Большаков, Г.Ф.Сагтаров), удмуртов (Г.А.Архипов, С.К.Бушмакин, Р.Ш.Джарылгасинова, В.К.Кельмаков, Д.Л.Лукьянов, В.В.Пименов, С.В.Соколов, Т.И.Тепляшина, Г.И.Яковлева). Итогом серии статей Н.А.Баскакова о фамилиях тюркского происхождения стала монография¹⁴, остающаяся до сих пор, несмотря на отдельные недостатки (некритичное отношение к сведениям родословных XVII в., привлечение к исследованию фамилий, «носители которых имеют тюркское происхождение», и др.), самым авторитетным исследованием в этой области. Указанные недостатки в еще большей степени присущи книге А.Х.Халикова¹⁵, рассматривающего среди фамилий булгаро-татарского происхождения

¹¹ Антропонимика. М., 1970; Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970.

¹² Ономастика Поволжья: Мат-лы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск, 1969; Ономастика Поволжья: Мат-лы II Поволжской конф. по ономастике. Горький, 1971; и др.

¹³ Ономастика. М., 1969; Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980; и др.

¹⁴ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979 (переиздана в 1993 г.).

¹⁵ Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.

такие фамилии, как Арсеньев, Богданов, Давыдов, Леонтьев, Павлов и др.

Общим проблемам становления и развития антропонимических систем посвящена статья И.В.Бестужева-Лады¹⁶. Принципы подготовки этимологического словаря русских фамилий разработаны О.Н.Трубачевым¹⁷.

Для становления антропонимики как научной дисциплины большое теоретическое и практическое значение имели работы В.А.Никонова, в которых обоснована необходимость комплексного подхода к изучению фамилий и заложены основы будущего «Словаря русских фамилий»¹⁸. Наиболее емким и продуктивным на сегодня представляется предложенное В.А.Никоновым определение фамилии: «Фамилия – общее имя членов семьи, наследуемое далее двух поколений»¹⁹. Особое значение для нашего исследования имеют работы В.А.Никонова, посвященные изучению региональных особенностей общероссийского фонда фамилий²⁰.

Изучению истории русских личных имен и проблемам оформления фамилий посвящены работы С.И.Зинина. Сделанные автором на материалах Европейской России выводы, что до конца XVIII в. основная масса крестьян не имела фамилий²¹, имеют большое значение для

¹⁶ Бестужев-Лада И.В. Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена в прошлом ... С.24-33.

¹⁷ Трубачев О.Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России (русские фамилии и фамилии, бытующие в России) // Этимология. 1966. М., 1968. С.3-53.

¹⁸ Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом ... С.47-52; Он же. Опыт словаря русских фамилий // Этимология. 1970. М., 1972. С.116-142; Этимология. 1971. М., 1973. С.208-280; Этимология. 1973. М., 1975. С.131-155; Этимология. 1974. М., 1976. С.129-157; Он же. Имя и общество. М., 1974; Он же. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л.Крушельницкий. М., 1993.

¹⁹ Никонов В.А. До фамилий // Антропонимика. М., 1970. С.92.

²⁰ Его многочисленные публикации по этому предмету объединены в сводной монографии – первом по времени опыте сравнительного изучения антропонимии различных регионов России: Никонов В.А. География фамилий. М., 1988.

²¹ См.: Зинин С.И. Русская антропонимия XVII – XVIII вв. (на материале переписных книг городов России). Автореф. дис. ... канд. филол. наук.

сравнительного изучения процессов образования фамилий в различных регионах. С.И.Зининым разрабатывались также принципы составления словарей русских личных имен и фамилий²².

Систематизации в целом фонда русских фамилий, изучению их морфологии и семантики посвящены капитальные труды М.Бенсона, собравшего около 23 тысяч фамилий²³, и Б.-О.Унбегауна, оперировавшего примерно 10 тысячами фамилий²⁴. В России обобщающая работа в этой области исследований опубликована А.В.Суперанской и А.В.Суловой²⁵. Разным аспектам изучения имен, прозвищ и фамилий посвящены статьи и монографии В.Ф.Барашкова, Т.В.Бахваловой, Н.Н.Бражниковой, В.Т.Ванюшечкина, Л.П.Калакуцкой, В.В.Кошелева, А.Н.Мирославской, Л.И.Молодых, Е.Н.Поляковой, Ю.К.Редько, А.А.Реформатского, М.Э.Рут, Г.Я.Симиной, В.П.Тимофеева, А.А.Угрюмова, Б.А.Успенского, В.А.Щапицына и других авторов. Издано несколько словарей имен²⁶, а также популярных словарей фамилий разных авторов, в том числе подготовленных на региональных материалах²⁷. Различным проблемам исследования

Ташкент, 1969. С.6, 15; Он же. Структура русских антропонимов XVIII века (на материалах актовых книг г.Москвы) // Ономастика. М., 1969. С.80.

²² Зинин С.И. Словари русских личных имен // Труды аспирантов Ташкентского гос. университета: Литература и языкознание. Ташкент, 1970. С.158-175; Он же. Принципы построения «Словаря русских фамильных прозвищ XVII века» // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С.188-194.

²³ Benson M. Dictionary of Russian Personal Names, with a Guide to Stress and Morphology. Philadelphia, [1964].

²⁴ Unbegaun В.О. Russian Surnames. L., 1972. Книга дважды выходила в русском переводе, в 1989 и 1995 гг.

²⁵ Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. М., 1981.

²⁶ Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965; Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М., 1995; Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Изд. 5-е, дополн. М., 1996; Ведица Т.Ф. Словарь личных имен. М., 1999; Тороп Ф. Популярная энциклопедия русских православных имен. М., 1999.

²⁷ Первое наследство: Русские фамилии. Календарь именин. Иваново, 1992; Никонов В.А. Словарь русских фамилий...; Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. Изд. 3-е, испр. и дополн. М., 1996; Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь фамилий. Нижний Новгород, 1997; Фамилии Тамбовской области: Словарь-справочник / Сост. Л.И.Дмитрисва и др.

русской антропонимии посвящены также диссертационные исследования М.Н.Аникиной, Т.В.Бредихиной, Т.А.Заказчиковой, И.Ю.Карташевой, В.А.Митрофанова, Р.Д.Сельвиной, М.Б.Серебренниковой, Т.А.Сидоровой²⁸; изучению оттопонимических фамилий способствуют также исследования А.А.Абдуллаева и Л.Г.Павловой²⁹.

Едва ли не единственной за последние десятилетия работой историка в области антропонимики, посвященной тесной связи ее с генеалогией княжеских, боярских и дворянских родов Руси XV-XVI вв., является обстоятельная статья В.Б.Кобрин³⁰. Автором сделан ряд ценных наблюдений о соотношении понятий «некалендарное (неканоническое) имя» и «прозвище», способах образования и характере бытования тех и других, о механизмах образования фамилий в верхних слоях русского общества того времени.

Тамбов, 1998; Ведин Т.Ф. Словарь фамилий. М., 1999; Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.

²⁸ Аникина М.Н. Лингвострановедческий анализ русских антропонимов (личное имя, отчество, фамилия). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988; Бредихина Т.В. Наименования лиц в русском языке XVIII века. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990; Заказчикова Т.А. Русская антропонимия XVI-XVII вв. (на материале памятников деловой письменности). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979; Карташева И.Ю. Прозвища как явление русского устного народного творчества. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985; Митрофанов В.А. Современные русские фамилии как объект лингвистики, ономастики и лексикографии. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995; Сельвина Р.Д. Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV-XVI вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976; Серебренникова М.Б. Фамилии как источник изучения эволюции и бытования календарных имен в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1978; Сидорова Т.А. Словообразовательная активность русских личных имен. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1986.

²⁹ Абдуллаев А.А. Названия лиц, образованные от географических имен и терминов, в русском языке XV-XVIII вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968; Павлова Л.Г. Образование наименований лиц по месту жительства (на материале названий жителей Ростовской области). Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1972.

³⁰ Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV-XVI вв.) // История и генеалогия: С.Б.Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С.80-115.

Большое значение для данного исследования имеет накопленный за последние десятилетия опыт изучения антропонимии отдельных регионов России, в том числе Приуралья и Зауралья. Общие закономерности локального бытования русских антропонимов рассмотрены в статье В.В.Палагиной³¹. Помимо упоминавшегося выше В.А.Никонова, вопросами антропонимии на материалах разных регионов занимались: Вологодского края – Е.Н.Бакланова, Т.В.Бахвалова, П.А.Колесников, И.Попова, Ю.И.Чайкина, Пинегы – Г.Я.Симины, Дона – Л.М.Щетинин, Коми – И.Л. и Л.Н. Жеребцовы, других мест Европейской России – С.В.Белоусов, В.Д.Бондалетов, Н.В.Данилина, И.П.Кокарева, И.А.Королева, Г.А.Силаева и В.А.Липатов, Т.Б.Соловьева, В.И.Тагунова, В.В.Тарсуков, Е.Ф.Генцов, Н.К.Фролов, разных районов Сибири – В.В.Палагина, О.Н.Жилияк, В.П.Клюева. Из монографических исследований необходимо выделить выходящую под разными названиями работу Л.М.Щетинина³², интересную не только конкретным материалом, но и постановкой теоретических проблем (определение сущности подхода к изучению региональной антропонимии и круга задач, которые могут быть решены с ее помощью, введение понятий «антропонимическая панорама», «ядерная антропонимия» и др.), а также словарь вологодских фамилий Ю.И.Чайкиной³³ с изложением методики работ. Написанная на сибирских материалах книга Д.Я.Резуна³⁴ не является собственно исследованием фамилий, это увлекательно написанные популярные очерки о носителях различных фамилий в Сибири конца XVI-XVII вв.

Антропонимия Приуралья активно исследуется Е.Н.Поляковой, посвятившей отдельные публикации фамилиям жителей Кунгурского и

³¹ Палагина В.В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI-XVII вв. // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968. С.83-92.

³² Щетинин Л.М. Имена и названия. Ростов-на-Дону, 1968; Он же. Русские имена: Очерки по донской антропонимии. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону, 1978.

³³ Чайкина Ю.И. История вологодских фамилий: Учебное пособие. Вологда, 1989; Она же. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995.

³⁴ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.

Чердынского уездов³⁵ и издавшей словарь пермских фамилий³⁶, а также молодыми пермскими лингвистами, подготовившими на приуральских материалах ряд диссертационных работ³⁷.

Изучению антропонимии Зауралья посвящены работы В.П.Бирюкова, Н.Н.Бражниковой, Е.А.Бубновой, В.А.Никонова, Н.Н.Парфеновой, Н.Г.Рябкова³⁸. Межрегиональные связи Зауралья с Приуральем и Русским Севером на материале прозвищных фамилий

³⁵ Полякова Е.Н. Фамилии русских в Кунгурском уезде в XVII – начале XVIII века // Язык и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С.87-94; Она же. Чердынские фамилии в период их становления (конец XVI-XVII в.) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Мат-лы науч. конф. Пермь, 1999. С.8-12.

³⁶ Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.

³⁷ Медведева Н.В. Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материалах переписных документов по вотчинам Строгановых). Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999; Сироткина Т.А. Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном диалектном словаре (на материале говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области). Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999; Семькин Д.В. Антропонимия чердынской ревизской сказки 1711 года (к проблеме становления официального русского антропонима). Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000.

³⁸ Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор / Собр. и сост. В.П.Бирюков. Свердловск, 1953. С.199-207; Бражникова Н.Н. Русская антропонимия Зауралья на рубеже XVII-XVIII веков // Ономастика. С.93-95; Она же. Дохристианские имена в конце XVIII – начале XVIII вв. // Ономастика Поволжья: Мат-лы I Поволжской конференции... С.38-42; Она же. Имена собственные в письменности Южного Зауралья XVII-XVIII вв. // Личные имена в прошлом... С.315-324; Она же. История говоров Южного Зауралья по данным фамилий // Антропонимия. С.103-110; Бубнова Е.А. Фамилии жителей Белозерской волости Курганского уезда за 1796 год (по данным Курганского областного архива) // Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып.4. Курган, 1992. С.135-143; Никонов В.А. Никонов В.А. Русское заселение Зауралья по данным ономастики // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С.170-175; Он же. География фамилий. С.5-6, 98-106; Парфенова Н.Н. Источниковедческий аспект исследования русских фамилий Зауралья (статья I) // Северный регион: Наука. Образование. Культура. 2000. № 2. С.13-24; Рябков Н.Г. О неофициальных (уличных) фамилиях в уральской деревне // Летопись уральских деревень: Тез. докл. регионал. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 1995. С.189-192.

исследованы в монографии В.Ф.Житникова³⁹. Скорее к Зауралью, чем к Среднему Уралу, может быть отнесена южная часть Талицкого района Свердловской области, на материалах которой выполнено диссертационное исследование П.Т.Поротникова⁴⁰, представляющее большой интерес как опыт комплексного исследования антропонимии небольшой территории.

Для изучения происхождения уральских фамилий большое значение имеют работы уральских генеалогов, прежде всего выполненные на материалах Среднего Урала⁴¹.

Таким образом, во всей обширной историографии русской антропонимии до сих пор нет исторического исследования, посвященного происхождению фамилий отдельного региона, не разработана методика подобного исследования, а сама фамилия практически не рассматривается в качестве исторического источника. В пределах обширного Уральского региона наименее изученной остается антропонимия Среднего Урала.

Во втором параграфе определена и проанализирована источниковая база исследования.

Первую группу использованных в работе источников составляют неопубликованные материалы гражданского и церковного учета населения Урала, выявленные автором в архивах, библиотеках и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Тобольска. Прежде всего, это переписи населения (переписные, писцовые, дозорные книги)

³⁹ Житников В.Ф. Фамилии уральцев и северян: Опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. Челябинск, 1997.

⁴⁰ Поротников П.Т. Антропонимия замкнутой территории (на материале говоров Талицкого района Свердловской области). Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.

⁴¹ См.: Панов Д.А. Опыт поколенной росписи рода Ельциных. Пермь, 1992; Уральский родовед. Вып.1-5. Екатеринбург, 1996-2001; Сплетались времена, сплетались страны... Вып.1-7. Екатеринбург, 1997-2001; ИНФОР. № 4 («Ветер времени»: Мат-лы к поколенным росписям российских родов. Урал). Челябинск, 1999; Зауральская генеалогия. Курган, 2000; Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000; Человек и общество в информационном измерении: Мат-лы регионал. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2001. С.157-225.

слобод и острогов Верхотурского и Тобольского уездов 1621, 1624, 1666, 1680, 1695, 1710 и 1719 гг., а также именные, крестоприводные, ясачные и другие книги за разные годы XVII в. из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Сибирский приказ и Верхотурская приказная изба), Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ). Прослеживание исторических корней уральских фамилий потребовало использования материалов учета населения и других регионов (Приуралья, Русского Севера) из фондов РГАДА и Российской государственной библиотеки (РГБ, Отдел рукописей). Привлечен также актовъый материал (поручные записи на крестьян, челобитные и др.) из фондов Верхотурской приказной избы РГАДА и Верхотурской воеводской избы Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (СПб ФИРИ РАН). Из материалов церковного учета первой четверти XIX в. (фонд Екатеринбургского духовного управления ГАСО) использованы метрические книги, а также исповедные росписи, дающие уникальную информацию о распространении фамилий в разных слоях населения отдельных уездов⁴². В работе использованы и опубликованные исторические источники по теме исследования: материалы некоторых переписей и учета отдельных категорий населения (в основном по Приуралью и Русскому Северу), грамоты воевод, вкладные книги монастырей и др.⁴³

⁴² Об информационных возможностях этого источника см.: Мосин А.Г. Исповедные росписи как исторический источник // *Летопись уральский деревень...* С.195-197.

⁴³ Назовем лишь некоторые, наиболее важные публикации уральских материалов: Акты исторические. Т.1-5. СПб., 1841-1842; Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Т.1-5. Пермь, 1881-1889; Писцовая книга Кайсарова 1623/4 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых // Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о пермском крае. Вып.4. Пермь, 1992. С.110-194; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып.1 / Сост.Е.Н.Ошанина. М., 1982; Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.) / Сост. И.Л.Манькова. Свердловск, 1992; Елькин М.Ю., Коновалов Ю.В. Источник по генеалогии верхотурских посадских конца XVII века // *Уральский родовед.* Вып.2. Екатеринбург, 1997. С.79-86; Коновалов Ю.В. Верхотурская

Вторую группу источников составляют публикации собственно антропонимического материала: словари имен, прозвищ и фамилий (в том числе упоминавшиеся в историографическом очерке словарь Н.М.Туликова, «Ономастикон» С.Б.Веселовского, региональные словари Е.Н.Поляковой, Ю.И.Чайкиной и др.), телефонные справочники, книга «Память» и т.д. Данные этой группы источников ценны, в частности, для количественных характеристик.

К третьей группе следует отнести источники, создаваемые генеалогами, прежде всего поколенные росписи уральских родов. Использование данных этих источников позволяет, в частности, относить конкретные уральские фамилии к числу моноцентричных (все носители которых в данной местности принадлежат к одному роду) или полицентричных (носители которых в пределах региона являются потомками нескольких родоначальников).

Четвертую группу источников, условно определяемую как лингвистическая, составляют различные словари: русского языка – толковые (В.И.Даля), исторические (языка XI-XVII вв.), этимологические (М.Фасмера), диалектные (русских народных говоров, русских говоров Среднего Урала), топонимические (А.К.Матвеева, О.В.Смирнова) и т.д., а также иноязычные – торжских (прежде всего В.В.Радлова), финно-угорских и других языков народов, живших как в России, так и за ее пределами.

Специфическим и очень важным источником исследования являются сами фамилии, несущие в себе во многих случаях информацию не только о родоначальнике (его имени или прозвище, месте проживания или этнической принадлежности, роде занятий, внешности, характере и т.д.), но и об изменениях, происходивших со временем в их написании и произношении в результате бытования в той или иной среде. Источниковедческая ценность фамилий и их основ особенно высока, если есть возможность изучать их в конкретном культурно-историческом контексте (этнокультурная и социальная среда

именная книга 1632 года // Уральская родословная книга... С.317-330; Елькин М.Ю., Трофимов С.В. Отдочные книги 1704 года как источник крестьянских родословий // Там же. С.331-351; Трофимов С.В. Источник по генеалогии мастеровых и рабочих людей металлургических заводов Урала начала XVIII в. // Уральский родослов. Вып.5. Екатеринбург, 2001. С.93-97.

бытования, характер протекания миграционных процессов, местный бытовой уклад населения, диалектные особенности языка и др.)⁴⁴.

В плане критики источников работа с антропонимическим материалом требует учета множества факторов, прежде всего субъективного свойства: возможные ошибки писцов при записи антропонимов со слуха или переписке документов, искажение фамилий как результат переосмысления значения их основ («народная этимология»), фиксация одного человека в разных источниках под различными именованиями (что могло отражать реальную ситуацию или произойти в результате ошибки составителей переписи), «подправление» фамилии с целью придать ей большую благозвучность, «облагородить», и т.д. Имело место и сознательное сокрытие прежнего своего именованья, нередкое в условиях стихийной колонизации Урала конца XVI – начала XVIII вв. Восполнить возникающие информационные лакуны и скорректировать данные источников помогают как внутренний анализ содержания конкретного документа, так и привлечение к исследованию как можно более широкого круга источников, в том числе более позднего происхождения.

В целом состояние источниковой базы позволяет провести исследование антропонимии Среднего Урала конца XVI – начала XVIII вв. и решить поставленные задачи, а критический подход к содержащейся в них информации – сделать выводы исследования более обоснованными.

В третьем параграфе рассмотрена методика изучения антропонимии отдельного региона (на материалах Урала) и организации региональной антропонимии в формах исторического ономастикона и словаря фамилий.

Целью составления регионального ономастикона является создание максимально полного свода древнерусских неканонических и нерусских (иноязычных) имен и прозвищ, бытовавших и фиксировавшихся в источниках в пределах данного региона и служивших основами фамилий. В ходе работы решаются следующие задачи: 1) выявление в

⁴⁴ Об источниковедческом потенциале фамилий подробнее см.: Мосин А.Г. Фамилия как исторический источник // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С.349-353.

неопубликованных и опубликованных источниках как можно более широкого круга личных имен (русских неканонических и нерусских) и прозвищ, бытовавших в пределах данного региона, от которых со временем могли быть образованы фамилии; 2) обработка собранного материала, составление словарных статей с приведением как можно более точных сведений о времени и месте фиксации каждого антропонима, социальной принадлежности его носителя (а также иных существенно важных биографических подробностей: место рождения, род занятий отца, смена места жительства и т.д.), а также с указанием источников информации; 3) периодическая публикация всего свода антропонимов, составляющих региональный ономастикон; при этом каждое последующее издание должно отличаться от предыдущего как в количественном отношении (появление новых статей, новой информации в уже имевшихся прежде статьях), так и в качественном (уточнение информации, исправление допущенных ошибок).

При определении структуры статьи регионального ономастикона за основу был взят словарь Н.М.Тупикова, но учтен также опыт составления «Ономастикона» С.Б.Веселовского. Принципиальным отличием регионального ономастикона от обоих изданий является включение в него, наряду с русскими неканоническими именами и прозвищами, именованных представителей других народов, прежде всего коренных для данного региона (татар, башкир, коми-пермяков, манси и др.).

Данные регионального ономастикона позволяют во многих случаях проследить корни местных фамилий, яснее представить в историческом плане облик региональной антропонимии, выявить уникальные черты этой специфической сферы историко-культурного наследия данного региона. Подготовка и издание подобных ономастиконов на материалах ряда регионов России (Русский Север, Поволжье, Северо-Запад, Центр и Юг России, Урал, Сибирь) позволит со временем осуществить издание общероссийского ономастикона. Первым шагом на этом пути стал выход регионального исторического

ономастикона на уральских материалах⁴⁵, содержащего более 2700 статей.

Изданию регионального исторического словаря фамилий предшествует подготовка и издание материалов для этого словаря. Применительно к Уралу, в рамках подготовки «Словаря уральских фамилий» намечено издание материалов по уездам Пермской губернии, словник которых составляется по данным исповедных росписей первой четверти XIX в. Помимо этих регулярных томов предусматривается издание отдельных томов по другим структурным признакам: территориально-временному (население уральских слобод Тобольского уезда XVII в.), социальному (служилые, горнозаводское население, духовенство), этнокультурному (ясачное население) и т.д. Со временем предполагается охватить также отдельные уральские уезды других губерний (Вятской, Оренбургской, Тобольской, Уфимской).

Структура регулярных томов материалов для словаря и составляющих их статей может быть представлена на примере вышедшего в свет первого тома⁴⁶.

–В предисловии ко всей многотомной публикации определены цель и задачи издания, представлены структура всей серии и отдельных томов, оговорены принципы передачи имен и фамилий и т.д.; в предисловии к данному тому содержится краткий очерк истории заселения территории Камышловского уезда, отмечены закономерности внутри- и межрегиональных миграций населения, особенности местной антропологии, обоснован выбор в качестве основного источника исповедных росписей 1822 г. и дана характеристика других источников.

Основу книги составляют статьи, посвященные отдельным фамилиям (около двух тысяч полных статей, не считая отсылочных для

⁴⁵ Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. О перспективах подготовки подобного издания на сибирских материалах см.: Мосин А.Г. Региональные исторические ономастиконы: проблемы подготовки и издания (на материалах Урала и Сибири) // Русские старожилы: Мат-лы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., г.Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С.282-284.

⁴⁶ Мосин А.Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т.1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург, 2000.

вариантов написания фамилий) и расположенные в алфавитном порядке. Структурно каждая полная статья состоит из трех частей: заголовка, текста статьи и топонимического ключа. В тексте статьи можно выделить три смысловых блока, условно определяемые как лингвистический, исторический и географический: в первом определяется основа фамилии (имя каноническое/неканоническое, русское/иноязычное, в полной/производной форме или прозвище), выясняется ее семантика с максимально широким спектром возможных значений, прослеживаются традиции толкования в словарях фамилий и литературе; во втором приводятся сведения о бытовании фамилии и ее основы в целом по России («исторические примеры»), на Урале и в пределах данного уезда; в третьем выявляются возможные связи с топонимикой – местной, уральской или российской («топонимические параллели»), характеризуются оттопонимические именованя.

Фиксация фамилий осуществляется в трех основных хронологических слоях: нижнем (по материалам переписей XVII – начала XVIII вв.), среднем (по исповедным росписям 1822 г.) и верхнем (по книге «Память», в которой приводятся данные на 30-40-е гг. XX в.). Это позволяет выявить исторические корни фамилий камышловцев, проследить судьбы фамилий на уральской почве на протяжении трех-четырех веков, обнаружить изменения в их написании.

Топонимический ключ отсылает к Приложению 1, представляющему собой роспись состава приходов Камышловского уезда по состоянию на 1822 г., и одновременно связан с той частью словарной статьи, где подробно излагается, в каких приходах и населенных пунктах уезда в этом году зафиксированы носители данной фамилии и к каким категориям населения они принадлежали. Поприходные таблицы Приложения 1 содержат сведения об изменениях названий населенных пунктов и современной их административной принадлежности.

В Приложении 2 даны частотные списки мужских и женских имен, дававшихся жителями уезда детям, родившимся в 1822 г. Для сравнения приводятся соответствующие статистические данные по Свердловску за 1966 г. и по Смоленской области за 1992 г. В других приложениях приводятся списки литературы, источников, сокращения.

Материалы приложений дают основания рассматривать тома материалов для регионального словаря фамилий как комплексные исследования ономастики отдельных уездов Пермской губернии, при том, что главным объектом исследования остаются все же фамилии.

Сравнение состава фондов фамилий (по состоянию на 1822 г.) Камышловского и Екатеринбургского уездов обнаруживает существенные различия: общее количество фамилий – соответственно около 2000 и 4200; фамилий, зафиксированных в 10 и более приходах уездов – 19 и 117 (в том числе образованных от полных форм канонических имен – 1 и 26). Очевидно, в этом проявилась специфика Екатеринбургского уезда, выражающаяся в весьма значительном удельном весе городского и горнозаводского населения, по сравнению с Камышловским уездом, абсолютное большинство населения которого составляли крестьяне.

Глава вторая «Исторические предпосылки появления фамилий у населения Урала» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе определены место и роль неканонических имен в системе русских личных собственных имен.

Одним из нерешенных на сегодня в исторической ономастике вопросов является выработка надежных критериев отнесения древнерусских именовании к неканоническим именам или прозвищам. Анализ имеющихся в распоряжении диссертанта материалов показал, что путаница с определениями во многом связана с необоснованным пониманием встречающегося в источниках XV-XVII вв. понятия «прозвище» в его современном значении, тогда как в то время оно означало лишь то, что это не имя, данное человеку при крещении, а так его именуют («прозвали») в семье или иной среде общения. Поэтому в дальнейшем все именовании, за которыми следуют отчества, рассматриваются в диссертации как личные имена, даже если в источниках они определяются как «прозвища». Уральские материалы дают массу примеров того, что под «прозвищами» в XVI-XVII вв. понимались также и фамильные именовании (фамилии).

Как показано в диссертации, о степени распространенности на Среднем Урале фамилий, образованных от бытовавших здесь в конце XVI – начале XVIII вв. неканонических имен, позволяют судить следующие данные: из 61 имени от 29 произведены фамилии,

зафиксированные в первой четверти XIX в. во всех четырех уездах Среднего Урала (Верхотурском, Екатеринбургском, Ирбитском и Камышловском), еще 20 имен отражены в фамилиях, встречавшихся в трех уездах из четырех, и всего от пяти имен образованы фамилии, известные только в одном из четырех уездов. При этом два имени (Неклюд и Ушак) известны на Урале только по документам XVI в., шесть имен – в пределах первой четверти XVII в., еще 11 – до середины XVII в. и 15 – до юнца 1660-х гг. Только пять имен (Бажен, Богдан, Воин, Насон и Рышко) известны по документам начала XVIII в. Все это косвенно свидетельствует о раннем образовании фамилий на Урале. Если в Кунгурском уезде к началу XVIII в. фамилии, образованные от неканонических имен, составляли 2 % от общего количества⁴⁷, то по Среднему Уралу в начале XIX в. эта доля еще выше – по разным уездам до 3-3,5 %.

Диссертантом установлено, что употребление неканонических имен на Урале имеет региональную специфику. Из первой пятерки частотного списка неканонических имен на Урале в общероссийскую пятерку (по данным словаря Н.М.Тупикова) входят только два – Богдан и Третьяк, два имени уральской десятки (Бажен и Шестак) не входят в десятку общероссийскую; менее распространены на Урале, чем в целом по России, имена Ждан и Томило, а частое у Н.М.Тупикова имя Истома вообще фиксировалось на Урале редко и не позже первой четверти XVII в. Обращает на себя внимание также в целом более высокая частотность на Урале числовых имен, в чем могла проявиться специфика развития семьи в условиях колонизации края как в крестьянской среде (поземельные отношения), так и у служилых людей (практика верстания «в выбылое место» после отца). Анализ уральских материалов позволил диссертанту высказать предположение, что имя Дружина (как производное от Другой) давалось второму сыну в семье и также должно быть отнесено к числовым⁴⁸.

⁴⁷ См.: Полякова Е.Н. Фамилии русских в Кунгурском уезде... С.89.

⁴⁸ См.: Мосин А.Г. Первуша – Дружина – Третьяк: К вопросу о формах неканонического имени второго сына в семье допетровской Руси // Проблемы истории России. Вып.4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С.247-256.

В целом уральские материалы свидетельствуют о том, что канонические и неканонические имена вплоть до конца XVII в. составляли единую систему именования, с постепенным сокращением доли последних, вплоть до запрещения их употребления в конце столетия.

Во втором параграфе прослежено утверждение трехчленной структуры именования.

Отсутствие единой нормы именования позволяло составителям документов в зависимости от ситуации именовать человека более или менее подробно. Необходимость проследить родовую преемственность (в поземельных и других хозяйственных отношениях, службе и т.д.) содействовала ускорению процесса утверждения родового именования, закреплявшегося в поколениях потомков в качестве фамилии.

У населения Берхотурского уезда родовые именования (или уже фамилии) в большом количестве фиксируются уже первой по времени переписью – дозорной книгой Ф.Тараканова 1621 г. Структура именований (за небольшим исключением) двухчленная, но вторая часть их неоднородна, в ней можно выделить четыре основные группы антропонимов: 1) отчества (Ромашко Петров, Елисейко Федоров); 2) прозвища, от которых могли образоваться фамилии потомков (Федка Губа, Олешка Зырян, Пронка Хромой); 3) именования, которые могли перейти в фамилии, благодаря конечным -ов и -ин, без всяких изменений (Васка Жерноков, Данилко Пермитин); 4) именования, которые по всем признакам являются фамилиями и прослеживаются начиная с этого времени до наших дней (Оксенко Бабин, Тренка Таскин, Васка Чапурин и др., всего по далеким данным – 54 именования). Последнее наблюдение позволяет заключить, что на Среднем Урале процессы утверждения трехчленной структуры именования и образования фамилий развивались параллельно, и закрепление родовых именований в виде фамилий активно происходило еще в рамках господства на практике двухчленной структуры.

В материалах переписи 1624 г., как установлено автором, доля трехстепенных именований уже весьма значительна; у стрельцов – 13 %, у посадских – 50 %, у подгородных и тагильских ямщиков – 21 %, у подгородных пашенных крестьян – 29 %, у тагильских – 52 %, у

невьянских – 51 %, у половников и бобылей – 65 %. Примечательно преобладание трехчленных именовании в удаленных от Верхотурья слободах, а также у половников и бобылей. В дальнейшем доля трехчленных именовании в целом (как тенденция) возрастала, хотя амплитуда колебаний для разных территорий и категорий населения для отдельных переписей могла быть весьма значительной: например, в 1666 г. – от 3-5 % у подгородных и тагильских крестьян до 82-89 % у ирбитских и ницынских, что могло быть следствием отсутствия единой установки у переписчиков. Не случайно в переписи 1680 г., когда предписывалось приводить именовании «с отцы и с прозвищи», в той же Тагильской слободе доля трехчленных именовании возросла с 3 до 95 %.

Движение от двухчленной к трехчленной структуре именовании, происходившее на протяжении ста лет, развивалось скачкообразно, иногда без какого-либо логичного объяснения происходили «откаты» назад. Так, в именной книге 1640 г. с трехчленными именовании записаны 10 % верхотурских стрельцов, в 1666 г. – ни одного, а в 1680 г. – 96 %; у тагильских ямщиков те же показатели составляли соответственно в 1666 г. – 7 % и 1680 г. – 97 %; в 1679 г. все верхотурские посадские переписаны с двухчленными именовании, а всего год спустя 15 из 17 (88 %) именованы по трехчленной структуре. Двухчленные именовании широко применялись и после 1680 г., а в некоторых случаях преобладали абсолютно (1690/91 г. в Угедкой слободе – у всех 28 крестьян, но к 1719 г. картина здесь была прямо противоположной).

Переход к трехчленной структуре именовании на Среднем Урале в основном завершился (хотя и не без исключений) ко времени переписи по указу 1719 г.: в частности, в слободах двухчленные именовании встречались в основном у подворников и срочных работников, а также у вдов и священно- и церковнослужителей.

Глава третья «Колонизационные процессы на Среднем Урале в конце XVI – начале XVIII вв. и их связи с местной антропонимией» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе рассмотрены фамилии, носители которых были выходцами с Русского Севера – огромного пространства от Олонца и побережья Белого моря на западе до бассейнов Вычегды и Печоры на

востоке. Подавляющее большинство населения этого края составляло черносошное крестьянство.

Роль переселенцев с Русского Севера в освоении Урала с конца XVI в. общеизвестна. География территорий-«доноров» непосредственно отражалась в оттопонимических прозвищах, которые, в свою очередь, послужили основами многих уральских фамилий. В первой четверти XIX в. в пределах четырех уездов Среднего Урала зафиксировано 78 оттопонимических фамилий севернорусского происхождения⁴⁹, из них 10 встречались во всех четырех уездах (Ваганов, Вагин, Каргаполов, Кокшаров, Мезенцов, Печеркин, Пинегин, Удимцов, Устьянцов и Устюгов), еще 12 – в трех уездах из четырех; 33 фамилии известны только в одном уезде из четырех, из них 13 неизвестны по уральским источникам до начала XVIII в. (в том числе на уровне исходных прозвищ). Некоторые широко бытовавшие на Урале в XVII в. именованья (Вилежанин, Вычегжанин, Лузенин, Пинежанин) не получили столь же широкого распространения в виде фамилий. Известны случаи, когда севернорусские по корням фамилии сложились за пределами Среднего Урала – в Приуралье (Лузин), на Вятке (Вагин), и т.д.

Среди оттопонимических фамилий особый интерес представляют образованные не по названиям уездов и иных крупных областей, а по названиям сравнительно небольших, определенно локализуемых территорий (волостей, сельских обществ и т.д.). К локальной топонимике Русского Севера несомненно восходят такие уральские фамилии, как Верхованцов, Ентальцов, Еренских (Яринских – от Яхренгской волости), Заостровской, Заутиных, Лавелин, Лалетин, Папуловской (-их), Пермоторцов, Пинкозовских, Прилутских, Ракульцов, Сосновский (-их), Ударцов, Удимцов (Удинцов), Чещегоров, Шаламенцов (Шеломенцов) и др. Для носителей этих и других

⁴⁹ Некоторые из них (Низовкин, Низовцов, Печеркин, Югов, Южаков) могли восходить к выходцам из других регионов; напротив, не включенная в это число фамилия Печерский (-их) могла в отдельных случаях принадлежать потомкам выходца с Печоры. Многие фамилии (Демьяновской, Дувских, Змановских, Ланских, Малетинской и др.) не имеют надежной топонимической привязки, но многие из них несомненно севернорусского происхождения.

подобных фамилий задача поисков исторической «малой родины» предков существенно облегчается.

В XVII в. выходцами из разных уездов Русского Севера было положено начало многим уральским фамилиям, не отражающим прямо севернорусской топонимики: из Важского – Дубровин, Караблев, Пахотинских, Прямиков, Рявкин, Хорошавин и др., из Вологодского – Боровских, Забелин, Топорков и др., из Устюжского – Буньков, Бушуев, Горскин, Крайчиков, Меньшенин, Трубин, Чебыкин и др., из Пинежского – Бухряков, Малыгин, Мамин, Трусков, Щепеткин, Ячменев и др., из Сольвычегодского – Абушкин, Богатырев, Выборов, Тиунов, Туголуков, Чащин, и т.д. Основную массу родоначальников уральских фамилий севернорусского происхождения дали четыре уезда: Важский, Устюжский, Пинежский и Сольвычегодский (с Яренском).

Изучение севернорусских по происхождению фамилий на материалах Среднего Урала позволяет в некоторых случаях пересматривать вопросы образования фамилий и в других регионах. В частности, широкое распространение на Урале в XVII в. пинежской фамилии Щелканов ставит под сомнение категоричное утверждение Г.Я.Симиной, что «пинежские фамилии сложились не ранее XVIII в.»⁵⁰.

Во втором параграфе прослежены вятские, приуральские и поволжские родовые корни родоначальников спелнеуральских фамилий.

По масштабам миграций для Среднего Урала в конце XVI – начале XVIII вв. вторым по значению после Русского Севера (а для некоторых южных и западных слобод – первым) был обширный регион, включавший Вятскую землю, Приуралье и Среднее Поволжье (бассейн Волги в ее среднем течении). Наряду с чернососным крестьянством, значительную долю населения этих мест составляли частновладельческие (в том числе строгановские) крестьяне.

В диссертации установлено, что в первой четверти XIX в. в четырех уездах Среднего Урала бытовала 61 оттопонимическая фамилия волго-вятско-приуральского происхождения, из них 9 встречались во всех уездах (Веглугин, Вяткин, Казанцов, Кайгородов, Осинцов, Симбирцов, Усольцов, Уфинцов и Чусовитин), еще 6 фамилий – в трех из четырех

⁵⁰ Симиная Г.Я. Из истории русских фамилий. Фамилии Пинежья // Этнография именов. М., 1971. С.111.

уездов, все они (или их основы) известны здесь с XVII – начала XVIII вв. Более половины фамилий (31 из 61) учтены только в одном уезде, из них 23 не зафиксированы на Среднем Урале до начала XVIII в. (в том числе на уровне исходных прозвищ). Это означает, что регион на протяжении XVIII в. оставался важнейшим ресурсом пополнения антропонимии Среднего Урала.

Локальным топонимам этого региона обязаны своим происхождением такие уральские фамилии, как Алатарцов, Балахнин, Биринцов, Борчанинов, Гаинцов, Енидорцов, Кукарской (-их), Лаишевский, Мензелинцов, Мулинцов, Обвинцов, Осинцов, Печерской (-их), Редикорцов, Уженцов, Фокинцов, Чигвинцов, Чухломин, Ядринцов и др.

Родоначалники многих старейших уральских фамилий были выходцами из пределов этого обширного региона (точнее, комплекса регионов): с Вятки – Балакин, Куткин, Корчемкин, Рублев, Черноскутов и др., из Перми Великой (Чердынский уезд) – Берсенов, Гаев, Голомолзин, Жулимов, Косиков, Могильников и др., из Соликамского уезда – Волегов, Кабаков, Карфидов, Матафонов, Ряпосов, Таскин и др., из вотчин Строгановых – Бабинов, Дылдин, Гусельников, Карабаев и др., из Казанского уезда – Гладких, Голубчиков, Клевакин, Розцпеттаев, с Унжи – Золотавин, Нохрин, Тройнин и т.д. Среди положивших начало другим уральским фамилиям были также кайгородцы, кунгурцы, сарапульцы, осинцы, уфимцы, выходцы из нескольких уездов Поволжья.

В целом выходцы из волго-вятско-приуральского комплекса регионов внесли к началу XVIII в. не менее значительный вклад в формирование антропонимического фонда Среднего Урала, чем Русский Север, причем намного чаще, чем для фамилий с севернорусскими корнями, удастся проследить образование фамилий до прихода их носителей на Средний Урал.

В третьем параграфе установлен вклад других регионов (Северо-Запад, Центр и Юг Европейской России, Сибирь) в формирование исторического ядра уральского антропонимического фонда.

По сравнению с двумя первыми регионами (комплексами регионов), эти территории не внесли к началу XVIII в. столь значительного вклада в антропонимию Среднего Урала. Правда, в первой четверти XIX в. в четырех среднеуральских уездах учтена 51

оттопонимическая фамилия, отражающая географию этих пространств, но во всех уездах зафиксированы только три фамилии (Колугин/Калугин, Москвин и Путимцов/Путинцов) и в трех уездах из четырех – еще пять фамилий. Более двух третей фамилий (35 из 51) встречались только в одном уезде, из них 30 до начала XVIII в. на Среднем Урале неизвестны. Перечень топонимов, отраженных в именовании, отмеченных здесь в документах до XVIII в., сравнительно невелик: Буг, Калуга, Козлов, Литва, Москва, Новгород, Путивль, Рязань, Рогачев, Старая Русса, Сибирь, Терек⁵¹. Напротив, ряд именовании, известных по документам XVII – начала XVIII вв. (Киевской, Лучанинов, Орловец, Подолских, Смольянин, Торопчинин), не имеют соответствий в фамилиях первой четверти XIX в.

Круг фамилий оттопонимического происхождения, появившихся у выходцев из этих регионов на Среднем Урале к началу XVIII в., крайне незначителен, что, по-видимому, объясняется отсутствием массовых миграций из этих мест. Именно в условиях единичных перемещений людей оттопонимические прозвища имели больше шансов не только возникнуть, но и положить начало соответствующим фамилиям.

В четвертом параграфе зафиксировано и проанализировано отражение в антропонимии Среднего Урала внутрорегиональных миграций населения.

Начиная с XVII в. уральская антропонимия обогащалась именованими, образуемыми от местных топонимов. В первой четверти XIX в. в пределах четырех уездов Среднего Урала зафиксировано 27 образованных от них фамилий, но только треть из них известны здесь в XVII – начале XVIII вв.: Глинских, Епанчинцов, Лялинский (-их), Мехонцов, Мугайский (-их), Невьянцов, Пельнских, Пышминцов, Тагил(ь)цов. Ни одна фамилия не зафиксирована во всех уездах, только три (Глинских, Епанчинцов и Тагил(ь)цов) встречались в трех уездах из четырех; из 18 фамилий, известных по одному уезду, 14 до XVIII в. на Среднем Урале не документированы даже на уровне исходных прозвищ.

Чтобы получить прозвище Тагилец или Невьянец, выходец из соответствующих слобод должен был уйти достаточно далеко из родных

⁵¹ Необходимо учитывать также, что фамилии типа Калугин (Колугин) или Москвин не во всех случаях имели оттопонимическое происхождение.

мест. Фамилии, образованные от именовании среднеуральских слобод и острогов, распространены в основном в более южных районах региона, однако, учитывая основное направление миграций крестьянского населения в XVII-XVIII вв., можно предположить, в полной мере фамилиеобразующий потенциал подобных именовании раскрывался уже на пространствах Сибири.

Глава четвертая «Иноязычные составляющие уральской антропонимии» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе определен круг фамилий с финноугорскими корнями, а также фамилий, указывающих на принадлежность родоначальников к финноугорским этносам. Из фамилий этнонимического происхождения наиболее распространенная на Среднем Урале – Зырянов, в чем отразилась роль народа коми (а также, возможно, других финноугорских этнических групп) в заселении региона. Реже встречаются фамилия Корелин (Корелин), Пермиков, Черемисин и Чудинов, остальные фамилии, восходящие к этнонимам (Вогулкин, Вотяков, Отинов, Пермин и др.), получили локальное распространение. Необходимо учитывать, что в отдельных случаях такие фамилии, как Корелин, Чудинов или Югринов (Угримов), могли быть образованы не непосредственно от этнонимов, а от соответствующих неканонических имен. Отмечены также случаи принадлежности прозвища Новокрещен, наряду представителями торкских этносов, удмуртам (вотякам) и марийцам (черемиса).

Среди фамилий с финноугорскими корнями на среднем Урале выделяются фамилии на -егов и -огов, восходящие в конкретных случаях к удмуртскому или коми-пермяцкому языкам: Волегов, Иртегов, Колегов, Котегов, Лунегов, Пурегов, Ужегов, Чистогов и др., а также начинающиеся на Кы- (Кырнаев, Кырчиков, Кыскин, Кычанов, Кычев и др.), что характерно для коми и коми-пермяцкого языков. Вопрос о происхождении некоторых фамилий этого ряда (например, Кичигин или Кыштымов) остается открытым.

Из других фамилий коми или коми-пермяцкого происхождения ранее других (с XVII в.) фиксируются на Среднем Урале и получили в регионе наибольшее распространение фамилии Койнов (от *койн* – «волку») и Пьянков (от *пянк* – «сын»); наиболее распространены фамилии, восходящие к именованию в финноугорских языках

различных животных, что могло быть связано с их почитанием в качестве тотемов или отражать индивидуальные прозвища (Дозмуров, от *дозмёр* – «глухарь»; Жунев, от *жунь* – «снегирь»; Кочов, от *коч* – «заяц»; Ошев, от *ош* – «медведь»; Порсин, от *порсь* – «свинья»; Ракин, от *рака* – «ворон», и т.д.), встречаются и числительные, вероятно, что, по-видимому, соответствовало русской традиции числовых имен (Кыкин, от *кык* – «два»; Куимов, от *куим* – «три»). В отдельных местах получили распространение фамилии Изъюров, Качусов, Лямпин, Пел(ь)менев, Пуртов, Тупылев и др.

В меньшей степени на формирование антропонимии Среднего Урала повлияли другие финноугорские языки; в частности, с XVII в. известна фамилия Алемасов, образованная от мордовского имени Алемас, из отдаленных мест Русского Севера могли быть занесены основы фамилий Гирбасов и Согрин. Из фамилий с корнями из языков ханты и манси ранее других известна фамилия Пайвин (от мансийского *пайва* – «корзина»), того же происхождения может быть также известная с XVII в. фамилия Хоземов, но в целом образование и бытование на Среднем Урале фамилий ханты-мансийского происхождения требует специального исследования, а необходимость выделения в этом слое уральской антропонимии финноугорской или тюркоязычной основы делает это исследование преимущественно лингвистическим и этнокультурным.

Во втором параграфе рассмотрены фамилии тюркоязычного происхождения, а также фамилии, указывающие на принадлежность родоначальников к тюркским этносам.

Среди уральских фамилий, восходящих к названиям тюркских народов и этнических групп, ни одна не получила широкого распространения в пределах региона, хотя общее их количество довольно значительно: Башкиров, Казаринов, Каратаев, Катаев, Мещеряков, Нагаев, Татаринев, Турчанинов и др.; при этом не во всех случаях исходное именование обязательно указывает на этническую принадлежность родоначальника. Напротив, принадлежность родоначальников ряда фамилий как с тюркоязычными (Мурзин, Толмачев), так и с русскоязычными (Выходцев, Новокрещенов) основами во многих случаях устанавливается документально.

Представленный в диссертации обзор фиксировавшихся на Среднем Урале с начала XVII в. фамилий с тюркоязычными корневыми основами (Абызов, Албычев, Алябышев, Арапов, Аскин и др. – всего более ста фамилий, документируемых в регионе с XVII – начала XVIII вв.), а также перечень еще более чем ста тридцати фамилий, фиксируемых в четырех среднеуральских уездах в первой четверти XIX в., свидетельствуют о более чем значительном вкладе тюркских языков в формирование антропонимического фонда региона. При этом происхождение ряда фамилий от тюркских корней (Кибирев, Чупин⁵² и др.) остается под вопросом, а этимология уральских фамилий тюркского происхождения нуждается в специальном лингвистическом исследовании.

В третьем параграфе установлено место других (не рассматривавшихся в первом и втором параграфах) языков, народов и культур в формировании исторического ядра антропонимии Среднего Урала, а также дана общая сравнительная оценка степени распространенности в регионе фамилий этнонимического происхождения.

По сравнению с финноугорскими и тюркскими языками, вклад всех остальных языков в формирование исторического ядра уральской антропонимии, как установлено диссертантом, не столь значителен. В этом комплексе выделены две антропонимические группы: 1) фамилии, образованные от слов с иноязычными корнями, носители которых были, как правило, русскими; 2) нерусские фамилии (в некоторых случаях русифицированные с помощью суффиксов: Иберфельдов, Павленков, Якубовских), носителями которых, напротив, поначалу были в основном иностранцы.

Из фамилий первой группы, известных с XVII в., наибольшее распространение на Среднем Урале получила фамилия Салдатов (исходное прозвище фиксируется с 1659/60 г., как фамилия – с 1680 г.). По одной из версий толкования, к этой категории может быть отнесена и

⁵² О последней фамилии подробнее см.: Мосин А.Г., Коновалов Ю.В. Чупины на Урале: Материалы для родословия Н.К.Чупина // Первые Чупинские краеведческие чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 7-8 февраля 2001 г. Екатеринбург, 2001. С.25-29.

повсеместно встречающаяся фамилия Панов (от польского pan), однако это лишь одно из возможных объяснений ее происхождения. Несколько фамилий польского происхождения (Бернацкий, Ежевской, Якубовский) принадлежали служившим на Урале в XVII в. детям боярским. К другим языкам восходят фамилии Татоуров (монгольский), Шаманов (эвенкийский) и некоторые другие.

Встречающиеся в разных уездах Среднего Урала (прежде всего в Екатеринбургском) в первой четверти XIX в. фамилии немецкие (Гельм, Гессен, Дреер, Ирман, Рихтер, Фелькнер, Шуман и др.), шведские (Лунгвист, Норстрем), украинские (в том числе русифицированные – Анищенко, Арефенко, Белоконь, Дорошенко, Назаренков, Поливод, Шевченко) и другие обогащали среднесуральскую антропонимию на протяжении XVIII – начала XIX вв., и их подробное рассмотрение выходит за рамки данного исследования.

К этнонимам восходит ряд фамилий, известных на Среднем Урале с XVII – начала XVIII вв.: Колмаков (Калмаков), Ляхов, Поляков, Черкасов; тогда же неоднократно фиксировалось прозвище Немчин. Однако в целом фамилии этнического происхождения этой группы (за исключением указанных выше) сравнительно поздно появляются на Урале и фиксируются чаще всего только в одном (обычно Екатеринбургском) уезде: Армянинов, Жидовинов, Немцов, Немчинов, Персиянинов.

В первой четверти XIX в. из всех фамилий этнического происхождения только четыре (Зырянов, Калмаков, Корелин и Пермьяков) зафиксированы во всех четырех уездах Среднего Урала; примечательно, что среди них нет образованных от именовании поркских этносов. Еще пять фамилий (Катаев, Коротаев, Поляков, Черкасов и Чудинов) встречались в трех уездах из четырех, при этом некоторые из них относятся нами к числу «этнических» условно. Из 47 фамилий 28 учтены только в одном из уездов, 23 фамилии неизвестны в крае в XVII – начале XVIII вв. (в том числе на уровне основ). Показателен и расклад по уездам: в Екатеринбургском – 38 фамилий, в Верхотурском – 16, в Камышловском – 14 и в Ирбитском – 11. Особое место Екатеринбургского уезда в этом ряду объясняется наличием на его территории большого количества горнозаводских предприятий с разнотническим составом населения, а также крупного по местным

масштабам административного, производственного и культурного центра – уездного города Екатеринбурга.

Глава пятая «Особенности образования фамилий у различных категорий населения Среднего Урала» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе выявлены характерные черты процесса образования фамилий у крестьян, составлявших в XVII – начале XVIII вв. подавляющее большинство населения Среднего Урала.

Начиная с первых лет заселения русскими Среднего Урала и вплоть до конца 1920-х гг. крестьянство составляло абсолютное большинство населения региона⁵³. Во многом этим определяется и вклад уральских крестьян в формирование исторического ядра региональной антропонимии: уже в переписи населения Верхотурского уезда М.Тюхина (1624 г.) только в самом городе и подгородной волости зафиксированы 48 именованных крестьян, ставших без всяких изменений фамилиями их потомков или составивших основы этих фамилий. К началу XIX в. некоторые из этих фамилий (Берсенов, Бутаков, Глухих и др.) не встречались в пределах Верхотурского у., но были распространены в других уездах Среднего Урала; ряд фамилий, неизвестных в подгородной волости по переписи 1680 г. (Жолобов, Петухов, Пурегов и др.), нашел отражение в местной топонимии.

Сопоставление данных разных источников (переписи 1621 и 1624 гг., именные книги 1632 и 1640 гг., переписи 1666 и 1680 гг.) позволило диссертанту проследить изменения в составе фонда прозвищ и фамилий верхотурских крестьян: одни прозвища и фамилии бесследно исчезают, другие появляются, на базе ряда прозвищ образуются фамилии, и т.д.; однако в целом процесс расширения местного антропонимического фонда за счет крестьянских фамилий поступательно развивался и в это время, и в дальнейшем. Те же процессы наблюдаются на материалах среднеуральских слобод Верхотурского и Тобольского уездов.

Среди фамилий крестьян, известных с XVII в., лишь немногие образованы от полных форм каноническим имен, наибольшее распространение из них получили фамилии Миронов, Прокопьев,

⁵³ Конкретные данные за триста лет см. в статье: Мосин А.Г. Формирование крестьянского населения Среднего Урала // Уральская родословная книга... С.5-10.

Романов и Сидоров. Выделить специфически крестьянские фамилии непросто, за исключением тех, которые образованы от обозначений различных категорий крестьянского населения и видов работ на земле (и то не без оговорок): Батраков, Бобылев, Борноволоков, Кабальнов, Новопашеннов, Половников и т.д. Вместе с тем, прозвища, от которых образованы фамилии Крестьянинов, Смердев, Селянкин, Слободчиков и др., могли возникать не только (и даже не столько) в крестьянской среде.

Крестьянство Среднего Урала во все времена было главным источником формирования других категорий местного населения, оказывая тем самым влияние и на антропониимию разных сословий. Но были и обратные процессы (перевод служилых – беломестных казаков и даже детей боярских – в крестьяне, причисление к крестьянскому сословию отдельных семей или частей семей духовенства, перевод заводоладельцами в крестьяне части заводских работников), в результате которых в крестьянской среде появлялись фамилии, казалось бы, нехарактерные для этой среды. Вопрос же в целом облика крестьянской антропониимии может быть решен при сопоставлении антропониимических комплексов разных уездов (подробнее об этом говорится в параграфе 3 главы 1 диссертации), что может быть проведено на материалах XVIII-XIX вв. и выходит за рамки данного исследования.

Во втором параграфе рассмотрены фамилии различных категорий служилого населения региона.

Как показано в диссертации, многие фамилии, возникшие в служилой среде, относятся к числу старейших на Среднем Урале: в именной книге служилых Верхотурского уезда 1640 г. зафиксированы 61 фамилия и прозвище, давшие позднее начало фамилиям, более трети из них известны еще по переписи 1624 г. Только семь фамилий из этого количества неизвестны на Среднем Урале в первой четверти XIX в., еще одна фамилия встречается в несколько измененном виде (Смокотин вместо Смокотнин); 15 фамилий получили распространение во всех четырех уездах региона, еще 10 – в трех уездах из четырех.

На протяжении XVII в. пополнение фонда фамилий служилых активно шло за счет верстания в службу крестьян, уже имевших фамилии; имел место и обратный процесс, принявший широкие масштабы в начале XVIII в., когда в массовом порядке шел перевод

беломестных казаков в крестьяне. Так крестьянскими со временем стали многие фамилии, сложившиеся в среде служилых, а в некоторых случаях – еще до верстания их носителей в службу из тех же крестьян (Бетев, Маслыков, Табатчиков и др.).

Среди фамилий, обязанных своим происхождением служилой среде, выделяются две больших группы: 1) образованные от прозвищ или обозначений должностей, связанных с обстоятельствами военной и гражданской службы (Атаманов, Барабанчиков, Бронников (Броншиков), Воротников, Засыпкин, Кузнецов, Мельников, Пушкарев, Трубачев, а также Выходцов, Мурзин, Толмачев и др.); 2) отражающие названия мест службы родоначальников или массового проживания казаков (Балаганских, Березовской, Гурьевских, Даурских, Донской, Сургуцкой, Терсков и др.). Побочные занятия служилых находили отражение в таких встречающихся у них фамилиях, как Кожевников, Котельников, Прянишников, Сапожников или Серебряников. Ряд фамилий служилых XVII в. отражает характерные детали их быта и досуга: Каблуков (каблук в то время был принадлежностью обуви именно служилых сословий), Костарев, Табатчиков.

В диссертации выявлено 27 фамилий, принадлежавших на Среднем Урале детям боярским, четыре из них (Буженинов, Лабутин, Перхуров и Спицын) прослеживаются с 20-х гг. XVII в., а одна (Тырков) – с конца XVI в.; примечательно, что еще в первой половине носившие некоторые из этих фамилий крестьяне (Албычевы, Лабутины) продолжали именовать себя в метрических записях детьми боярскими. Эти и некоторые другие фамилии (Будаков/Бутаков/Булдаков, Томилов) получили к тому времени распространение в большинстве уездов Среднего Урала.

Ряд коренных уральских фамилий (Голомолзин, Комаров, Махнев, Мухльин, Рубцов и др.) образовался в среде ямщиков, составлявших особую категорию служилых, а фамилии Закрятин и Перевалов рассматриваются автором как специфически ямщицкие. В дальнейшем, по мере перехода ямщиков в другие категории населения (прежде всего в крестьяне), возникшие в этой среде фамилии также меняли среду бытования и широко распространялись в разных сословиях и на разных территориях: так, из 48 фамилий и прозвищ тагильских ямщиков, известных по переписи 1666 г., в первой четверти XIX в. 18 встречаются

во всех четырех уездах Среднего Урала, еще 10 – в трех из четырех уездов, совершенно неизвестны всего пять фамилий.

В третьем параграфе исследованы фамилии представителей городских сословий. Выявлено 85 фамилий и исходных прозвищ верхотурских посадских, известных по переписям с начала 20-х до конца 70-х гг. XVII в.; большинство из них известны тогда же и у других категорий населения Среднего Урала, но некоторые (Безукладников, Ворошилов, Копосов/Копасов, Лагтев, Панов) прослеживаются все это время именно у посадских, а к началу XIX в. распространились по всем (или почти по всем) уездам региона. Из 85 фамилий к этому времени 28 известны во всех четырех уездах Среднего Урала, еще 21 – в трех из четырех уездов.

Специфически посадских фамилий и прозвищ выявлено немного, подобные исходные прозвища возникали и в других сословиях (например, Кожевников, Котовщик и Серебряник – у служилых); более однозначно именно с посадской средой связаны прозвища Злыгость, Коробейник и фамилии Моклюков и Понарьин.

Новый этап развития городских сословий на Урале начинается с основанием Екатеринбурга (1723 г.), сто лет спустя в этом городе купцы и мещане носили 295 фамилий, из них 94 фиксировались только в этой среде (хотя некоторые из них известны у жителей других уездов); тогда же в Камышловле купцы и мещане носили 26 фамилий, и только три из них не встречались в других слоях населения Камышловского уезда. Это свидетельствует о том, насколько различными были пути формирования местного купечества в двух городах, однако более обстоятельное рассмотрение этого вопроса выходит за хронологические рамки данного исследования.

В четвертом параграфе выявлены особенности в механизме пополнения и составе фонда фамилий горнозаводского населения Среднего Урала, находившегося в первые десятилетия XVIII в. в начальной стадии формирования. Основное пополнение работников первых уральских заводов шло за счет местного крестьянского населения, в большинстве своем уже имевшего фамилии, потому так значителен удельный вес крестьянских фамилий у населения горных заводов Среднего Урала. Особенно ясно это явление можно наблюдать на примере Березовского завода, на котором в 1822 г. зафиксировано

около 950 фамилий, в абсолютном большинстве известных у крестьян всех четырех уездов Среднего Урала.

Предпринятое диссертантом сопоставление данных первых списков работников Невьянского и Каменского заводов (1703 г.) и исповедных росписей 1822 г. показывает, что более половины прозвищ и фамилий, известных по этим ранним документам, получили продолжение в антропонимической традиции Камышловского и Екатеринбургского уездов. Из 20 фамилий, принадлежавших в 1722 г. на Невьянском заводе выходцам из Тулы, с Павловского завода и из уральских слобод, половина была известна здесь и в 1822 г., а еще четыре – на других заводах, ранее принадлежавших Демидовым. И в дальнейшем значительный вклад в развитие уральского антропонимического фонда вносили фамилии заводских работников, переведенных на заводы из Европейской России.

Автором установлено, что специфически заводскими по происхождению на Урале были некоторые оттопонимические фамилии (Олонцов, Туляков, Фокинцев, Черниговский и др.), а также связанные с заводскими процессами и именованиями обслуживавших их работников: Вошников, Высыпкин, Густомесов, Запашников, Запонщиков, Засыпкин⁵⁴, Изможеров, Кирпишников, Куреннов, Мастеров, Лоцманов, Паламочнов, Пильщиков, Проварнов, Строгальщиков, Струнников, Цепенников, Чекан(н)иков, Школьников, Якорнов и др. Еще несколько встречавшихся на заводах фамилий (Водеников, Водовозов, Водолеев, Водянных) могли быть связаны с ролью воды в заводском производстве. Отмеченные на Каслинском заводе Л.И.Расторгуева фамилии Камисаров, Князев и Купцов указывают на различные источники формирования рабочей силы еще в демидовские времена; таким же образом возникли известные на других заводах фамилии Владыкин, Воеводин и Заводчиков. Более подробное рассмотрение этих процессов должно стать предметом самостоятельного исследования на материалах XVIII-XIX вв.

⁵⁴ Основа этой фамилии, в зависимости от среды бытования, могла иметь по крайней мере три разных значения (см.: Мосин А.Г. Уральские фамилии... С.134-135).

В пятом параграфе рассмотрены фамилии приходского духовенства Среднего Урала.

В переписях XVII в. фиксация фамилий у приходского духовенства Среднего Урала носит единичный характер, но отдельные фамилии (Глютов, Гусев, Зыков, Колчин, Курбатов, Огрысков, Пономарев, Путимцов, Рыболовов, Тиганов, Удимцов, Хлынов и некоторые другие) все же известны. Значительно чаще фамилии встречаются у священно- и церковнослужителей региона в материалах переписей 1710 и 1719 г.; некоторые из них пришли из крестьянской среды (Кочнев, Мамин, Топорков и др.), другие, такие, как Кадилов или Попов, характерны именно для духовенства.

Из фамилий, образованных от священно- и церковнослужительских чинов, особое распространение на Среднем Урале, как установлено диссертантом, получили фамилии Попов и Пономарев: к 1822 г. они зафиксированы соответственно в 33 и 27 из 48 приходов Екатеринбургского уезда и в 30 и 12 из 44 приходов Камышловского уезда (в том числе у крестьян, мастеровых, чиновников, купцов и мещан). Во многом это объясняется практикой занятия детьми священно- и церковнослужителей свободных штатных мест в других приходах. Реже встречались в пределах региона другие фамилии того же ряда: Дьяков, Дьячков, Попков, Поповский (-их), Просвиреков, Просвирнин, Проскурнин, Проскураков, Протопопов, Псаломщиков, Распопов, Трапезников.

На протяжении XVIII в. сложились несколько десятков наиболее распространенных в среде приходского духовенства фамилий. В 1822 г. в пяти и более приходов Екатеринбургского и Камышловского уездов зафиксировано 25 фамилий священно- и церковнослужителей: Бирюков, Богомолов, Горяев, Горных, Дергачев, Дерябин, Дягилев, Иконников, Киселев, Коровин, Кочнев, Кузовников, Ляпустин, Максимов, Некрасов, Неуймин, Плотников, Пономарев, Попов, Пузырев, Сел(ь)менский (-их), Сильвестров, Смородинцов, Топорков, Чирков. Многие из этих фамилий часто встречались и в других уездах, но были и характерные для одного уезда: например, фамилия Арефьев отмечена в 1805 г. в шести приходах Ирбитского уезда. В этом проявлялась связь таких фамилий с локальными традициями бытования их в крестьянской среде.

В диссертации установлено, что абсолютное большинство фамилий приходского духовенства Среднего Урала пришло из крестьянской среды. Анализ 150 фамилий священно- и церковнослужителей Екатеринбургского и Камышловского уездов позволил выделить пять групп фамилий, характерных именно для среды духовенства (хотя это не означает, что они не получали распространения в иной социальной среде): 1) по именованию чинов, должностей и занятий, связанных с отправлением церковного культа; 2) по названиям предметов, имсущих прямое отношение к богослужению или характерных для служителей церкви (Иконников, Кадиллов, Кондаков, Самарин); 3) оттопонимические, связанные обычно с местами служения (Беляковский, Козельский/-их, Кокшарский, Лялинский/-их, Сел(ь)менский/-их); 4) искусственные, дававшиеся преимущественно в семинариях или епархиальных учреждениях (Библецких, Боголепов, Богомолов, Воинственский/-их, Иваницкий, Карпинский, Мутин, Поднебесных, Стефановский, Флоровский); 5) от полных форм канонических имен, обычно нехарактерные для других категорий населения вообще либо отличающиеся именно в данной среде своей формой (Андроников, Арефьев, Иосифов, Сил(ь)вестров/Силивестров, Стефанов).

В антропонимии духовенства остается много неясного. Связь некоторых фамилий (например, Дергачев) со средой духовенства очевидна, но семантически не прояснена; ряд фамилий, появления которых следовало бы ожидать именно в этой среде (Дамаскин, Сирин), фиксируются у крестьян. Ответы на эти и многие другие вопросы могут быть даны лишь в результате специального исследования на материалах XVIII-XIX вв. Но уже сейчас очевидно, что на Среднем Урале искусственные фамилии не играли в этой среде главенствующей роли, абсолютное большинство фамилий священно- и церковнослужителей сложилось в крестьянской среде, а многие из них получили параллельное развитие в антропонимии нескольких социальных слоев региона.

В заключении обобщены результаты исследования, сделаны основные выводы и намечены перспективы дальнейших исследований.

Установленное в результате анализа историографии отсутствие исторических исследований региональной антропонимии потребовало

разработки методики регионального историко-антропонимического исследования, в частности, выбора форм организации антропонимического материала.

Наиболее полным сводом данных по антропонимии отдельного региона может служить региональный словарь фамилий. Предложенная в данном исследовании методика двух основных форм организации материалов для такого словаря (на примере первого тома серии «Уральские фамилии: Материалы для словаря» и «Уральского исторического ономастикона») позволяет, с одной стороны, максимально полно охватить региональный антропонимический фонд, проследить исторические корни отдельных фамилий, их роль в местной антропонимической традиции, а с другой – заложить методические основы подготовки обобщающих изданий на российском материале: «Словаря русских фамилий» и «Российского исторического ономастикона».

Разработанная и примененная в данном исследовании методика изучения регионального антропонимического материала позволила прийти к следующим выводам.

Формирование антропонимического фонда Среднего Урала началось одновременно с процессом заселения региона русскими в конце XVI в. Русское население приносило с собой на Урал складывавшуюся систему именования, в которой значительное место занимали неканонические имена и утверждалась трехчленная система именования.

Неканонические имена были распространены на Урале в разной степени (одни фиксируются в источниках не позднее первой четверти XVII в., другие – вплоть до начала XVIII в.), однако в целом они сыграли в образовании уральских фамилий значительную роль: более 60 коренных фамилий Среднего Урала образованы непосредственно от бытовавших здесь неканонических имен. Удалось выявить специфику бытования этих имен на Урале, проявившуюся как в частотности употребления отдельных имен, так и в большем, чем в целом по России, использовании здесь числовых имен, в чем могла проявиться специфика хозяйственного освоения края. Анализ уральского антропонимического материала позволил отнести к числу последних имя Дружина.

Трехчленная структура именованя в пределах Верхотурского уезда использовалась уже в 20-е гг. XVII в., хотя в материалах переписей чаще отражены лишь два ее элемента: имя (каноническое или неканоническое) и отчество или имя и прозвище/фамильное прозвание (закрепившееся у потомков в качестве фамилии). Подобный вывод основан на том, что многие распространенные на Среднем Урале фамилии ретроспективно прослеживаются по документам вплоть до начала XVII в. Процессы утверждения трехчленной структуры именованя и образования фамилий на Урале развивались параллельно. Важнейшую роль в развитии этих процессов сыграла установка организаторов переписи 1680 г. фиксировать жителей уезда «с отцы и с прозвищи».

Историческое ядро антропонимического фонда Среднего Урала активно формировалось на протяжении всего XVII в. Большое влияние на протекание этого процесса оказало население Русского Севера (особенно выходцы из Важского, Устюжского, Пинежского уездов и из бассейна р.Вычегды). Не менее значительный вклад в развитие антропонимии региона сыграли выходцы из волго-вятско-приуральского комплекса регионов, многие из которых приходили на Средний Урал уже с фамилиями. Если оттопонимические фамилии севернорусского происхождения формировались в основном в XVII в., то уроженцы Вятки, Поволжья и Приуралья давали начало новым оттопонимическим фамилиям и на протяжении XVIII в. В общей сложности топонимике этих регионов обязаны своим происхождением около 140 коренных фамилий Среднего Урала. Влияние других регионов (Северо-Запад, Центр и Юг России, Сибирь), а также местной топонимики на формирование исторического ядра антропонимии Среднего Урала в целом незначительно.

Из фамилий, восходящих к этнонимам или образованных от иноязычных корней, особо многочисленны связанные с языками и культурой финноугорских и тюркских народов. Особенно широкое распространение на Среднем Урале фамилий Зырянов, Калмаков, Корелин и Перомяков связано с активным участием соответствующих народов в освоении края.

В комплексе фамилий, связанных происхождением с финноугорскими языками, особенно выделяются фамилии с коми и

коми-пермяцкими корнями, многие из которых сложились еще в Приуралье. Наименее изучен на сегодня вклад в среднеуральскую антропонимию языков ханты и манси. Среди фамилий с тюркоязычными корнями встречаются как возникшие из слов, прочно вошедших к XVII в. в лексику русского языка, так и образованные от имен представителей народов, живших на Урале (башкиры, татары, омусульманенные ханты и манси и т.д.). Если коренные фамилии Среднего Урала исчисляются количеством от одной до полутора сотен, то счет фамилий тюркоязычного происхождения идет уже на сотни.

Фамилии, образовавшиеся из слов, заимствованных из других языков (прежде всего европейских), в историческом ядре антропонимического фонда Среднего Урала немногочисленны. В XVII в. чаще других на Урале фиксируются польские фамилии, с XVIII в. получают распространение (в основном в Екатеринбурге и на заводах) также фамилии немецкие, шведские, украинские). Происхождение ряда фамилий (Карфидов, Паластров, Шицилов и др.) остается загадкой до сих пор.

Особый интерес в изучении уральских фамилий представляет социальный аспект. Процессы образования и закрепления фамилий в различной социальной среде протекали неравномерно: у крестьян, служилых и посадских особенно активно – на протяжении XVII в., у горнозаводского населения и духовенства – в XVIII в. Для каждой категории местного населения выявлены специфические фамилии, отражающие источник их формирования, характер профессиональной деятельности и т.д. Вместе с тем, некоторые фамилии, более или менее определенно связанные с профессиональной деятельностью, могли возникать при различных обстоятельствах и представлять собой своего рода омонимичные варианты одной фамилии, или бытовать совсем не в той среде, где бы следовало ожидать, руководствуясь их семантикой или написанием. Специального внимания заслуживают процессы переноса фамилий из одной социальной среды в другую: в силу преобладания крестьянского населения, фамилии крестьян в массовом порядке пополняли антропонимический фонд служилых, городских слоев, духовенства, но имели место и обратные процессы, когда фамилии, возникшие изначально у служилых (дети боярские, стрельцы,

беломестные казаки) или духовенства, получали распространение в крестьянской среде.

Изучение фамилий духовенства показало, что на Среднем Урале доля искусственных фамилий крайне незначительна (что противоречит представлениям, утвердившимся в историографии), абсолютное же большинство в среде священно- и церковнослужителей края составляют фамилии, либо унаследованные у предков-крестьян, либо общие для представителей нескольких сословий. Является ли такая картина характерной для российской провинции вообще или в этом проявилось своеобразие развития именно Уральского региона, покажут последующие исследования, выполненные на региональных материалах.

Установление изначальной среды бытования фамилий, не всегда очевидной из ее семантики, чрезвычайно важно для изучения истории старейших уральских родов. Однако если с моноцентричными фамилиями в этом отношении особых проблем не возникает, то истории многих фамилий, широко распространенных на Урале и обязанных своим возникновением нескольким родоначальникам, не может быть изучена без активного применения генеалогических методов исследования.

Одним из главных результатов исследования явилось установление исторических корней около 700 фамилий, известных на Среднем Урале с XVII – начала XVIII вв. и составляющих историческое ядро антропонимического фонда региона.

В приложении к диссертации опубликованы данные о фамилиях жителей Екатеринбурга и Екатеринбургского уезда Пермской губернии (по исповедным росписям 1822 г.): с вариантами написания – около 4500 фамилий.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т.1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург, 2000. – 496 с.
2. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. – 516 с.

3. Исповедные росписи как исторический источник // Летопись уральских деревень: Тез. докл. и сообщ. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 1995. С.195-197.

4. Родовая память как фактор культуры // Российская провинция XVIII-XX вв.: реалии культурной жизни. Мат-лы III Всерос. науч. конф. (Пенза, 25-29 июня 1995 г.). Пенза, 1996. Кн.1. С.307-314.

5. «Словарь уральских фамилий»: от замысла к воплощению // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С.104-108.

6. История крестьянских родов и фамилий Урала (к вопросу о методике изучения) // Каменный пояс на пороге III-го тысячелетия: Мат-лы регионал. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 1997. С.210-212.

7. Программа «Родовая память»: научно-исследовательский и социокультурный аспекты // Первые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1997. С.209-210.

8. Город и его жители: через родовую память – к историческому сознанию // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: Мат-лы науч. практич. конф., посвящ. 275-летию города. Екатеринбург, 1998. Ч.II. С.206-209.

9. Антропонимическое наследие Верхотурья // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию Верхотурья. Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практич. конф. 26-28 мая 1998 г., Екатеринбург – Верхотурье. Екатеринбург, 1998. С.63-67.

10. О конкретно-историческом подходе в определении этимологии фамилий и истолковании значений их основ // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции: Тез. докл. науч. конф. 14-16 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С.44-47.

11. Родовая память в жизни и творчестве А.С.Пушкина // Известия Уральского гос. университета. Вып.11: К 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина. Екатеринбург, 1999. С.92-97.

12. Прозвище или имя? // Вторые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 28-29 апреля 1999 г. Екатеринбург, 1999. С.246-250.

13. «Чердынский след» в антропонимике и топонимике Среднего Урала // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Мат-лы науч. конф., посвящ. 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С.Пушкина. Пермь, 1999. С.12-15.

14. Архивные фонды как основа компьютерной базы данных «Родовая память» // «Библиотеки и архивы региона «Большой Урал», информационные учреждения США: ресурсы и взаимодействие»: Мат-лы Международ. конф. Екатеринбург, 1999. С.20-27.

15. Родословные разыскания и краеведение: из опыта работы по программе «Родовая память» // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. 10-11 декабря 1998 года, г.Москва. М., 1999. С.75-82.

16. К вопросу о времени возникновения Тагильской слободы // Уральский родовед. Вып.4. Екатеринбург, 1999. С.120-121.

17. Формирование крестьянского населения Среднего Урала // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С.5-10.

18. «Родовая память»: четыре года работы по программе // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С.19-26.

19. Вараксины – древнерусская крестьянская семья на Урале // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С.67-116 (в соавторстве с Ю.В.Коноваловым, С.В.Коневым и М.С.Бессоновым).

20. Род крестьян Мосиных из деревни Мосиной // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С.211-220.

21. Источники родословий уральских крестьян // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С.313-316 (в соавторстве с Ю.В.Коноваловым).

22. Четыре века уральских фамилий (по материалам Камышловского уезда Пермской губернии) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С.258-260.

23. О «белых пятнах» в истории Маминского рода (к проблеме воссоздания родословия Д.Н.Мамина-Сибиряка) // Третьи Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 19-20 апреля 2000 г. Екатеринбург, 2000. С.350-354.

24. От родословных разысканий через региональную историю – к формированию исторического сознания // Методология региональных исторических исследований: Российский и зарубежный опыт. Мат-лы Международ. семинара. 19-20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. СПб., 2000. С.88-90.

25. Региональные исторические ономастиконы: проблемы подготовки и издания (на материалах Урала и Сибири) // Русские старожилы: Мат-лы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., г.Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С.292-294.

26. Фамилия как исторический источник // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С.349-354.

27. Чупины на Урале: материалы для родословия Н.К.Чупина // Первые Чупинские краеведческие чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 7-8 февраля 2001 г. Екатеринбург, 2001. С.25-29 (в соавторстве с Ю.В.Конваловым).

28. Программа «Родовая память»: задачи, первые результаты, перспективы // Человек и общество в информационном измерении: Мат-лы регионал. науч. конф., посвящ. 10-летию деятельности научных отделов ЦНБ УрО РАН (28 февраля – 1 марта 2001 г.). Екатеринбург, 2001. С.24-27.

29. Семья -- фамилия – род: четыре века восхождения к родовым корням // Человек и общество в информационном измерении: Мат-лы регионал. науч. конф., посвящ. 10-летию деятельности научных отделов ЦНБ УрО РАН (28 февраля – 1 марта 2001 г.). Екатеринбург, 2001. С.194-197.

30. «Сибирский исторический ономастикон»: перспективы подготовки и издания // Региональная энциклопедия: Методология. Опыт. Перспективы. Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. 17-19 сентября 2001 г. Тюмень, 2001. С.82-85.

31. О программе «Родовая память» // Проблемы изучения истории родного края (информационно-аналитические материалы). Вып.2. Екатеринбург, 2001. С.9-12.

32. Первуша – Дружина – Третьяк: К вопросу о формах неканонического имени второго сына в семье допетровской Руси // Проблемы истории России. Вып.4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С.247-256.

Подписано в печать 28.03.02 Формат 60x84 1/16

Отпечатано на ризографе

Бумага типографская. Усл. печ. л. 2,2

Тираж 400 экз. Заказ №

Отпечатано в Уральском институте бизнеса
620014, г.Екатеринбург, пер. Центрального рынка, 6